

сатирического элемента, эти рассказы нанесли сильный удар крепостному праву. Тургенев не изображал в них таких ужасов рабства, которое можно было бы представлять как исключение; он не идеализировал русских крестьян; но, давая взятые из жизни изображения чувствующих, размышляющих и любящих существ, изнывающих под ярмом рабства, и рисуя в то же время, параллельно этим изображениям, пустоту и низость жизни даже лучших из рабовладельцев, Тургенев пробуждал сознание зла, причиняемого системой крепостного права. Общественное значение этих рассказов было очень велико. Что же касается художественных достоинств, то достаточно сказать, что в каждом из этих рассказов, на пространстве нескольких страниц, мы находим живые изображения самых разнообразных человеческих характеров, причем изображения эти вставлены в рамки поразительных по красоте картин природы. Презрение, восхищение, симпатия по воле молодого автора поочередно овладевают читателем, причем всякий раз совершенство формы и живость сцен таковы, что каждый из этих маленьких рассказов стоит хорошей повести.

В другом сборнике небольших повестей: «Затишье», «Переписка», «Яков Пасынков», «Фауст» и «Ася», гений Тургенева развернулся вполне; в них уже вполне выступают его манера, его мирозерцание, вся сила таланта. Повести эти проникнуты глубокою печалью. В них слышится почти отчаяние в образованном русском интеллигенте, который даже в любви оказывается неспособным проявить сильное чувство, которое снесло бы преграды, лежащие на его пути; даже при самых благоприятных обстоятельствах он может принести любящей его женщине только печаль и отчаяние. Нижеследующие строки, взятые из «Переписки», лучше всего могут охарактеризовать руководящую идею этих трех повестей («Затишье», «Переписка» и «Ася»). Это пишет двадцатилетняя девушка другу своего детства:

«Я опять-таки скажу, что говорю не о такой девушке, которой тягостно и скучно мыслить... Она оглядывается, ждет, когда же придет тот, о ком ее душа тоскует... Наконец он является: она увлечена; она в руках его, как мягкий воск. Все — и счастье, и любовь, и мысль, — все, вместе с ним, нахлынуло разом; все ее тревоги успокоены, все сомнения разрешены им; устами его, кажется, говорит сама истина; она благоговеет перед ним, стыдится своего счастья, учится, любит. Велика его власть в это время над нею!.. Если б он был героем, он бы воспламенил ее, он бы научил ее жертвовать собою, и легки были бы ей все жертвы! Но героев в наше время нет... Все же он направляет ее, куда ему угодно, она предается тому, что его занимает; каждое слово его западает ей в душу: она еще не знает тогда, как ничтожно, и пусто, и ложно может быть слово; как мало стоит оно тому) кто его произносит, и как мало заслуживает веры! За этими первыми мгновениями блаженства и надежд обыкновенно следует — по обстоятельствам (обстоятельства всегда виновны), — следует разлука. Говорят, бывали примеры, что две родные души, узнав друг друга, тотчас соединялись неразрывно; слышала я также, что от этого им не всегда становилось легко... Но чего я не видала сама, о том не говорю, — а что расчет самый мелкий, осторожность самая жалкая могут жить в молодом сердце рядом с самой страстной восторженностью — это я, к сожалению, испытала на опыте. Итак, наступает разлука... Счастлива та девушка, которая узнает тотчас, что всему конец, которая не тешит себя ожиданием! Но вы, храбрые справедливые мужчины, большею частью не имеете ни духа, ни даже желания сказать нам истину... вам спокойнее обмануть нас... Впрочем, я готова верить, что вы сами себя обманываете вместе с нами...»

Полное отчаяние в способности образованных русских людей к действию проходит сквозь все тургеневские повести этого периода. Те немногие, которые кажутся исключением, — обладающие энергией или могущие напустить ее на себя на короткое время, обыкновенно заканчивают свое существование в бильярдной комнате трактира или портят свою жизнь каким-либо другим способом. 1854-й и 1855 годы, во время которых были написаны эти повести, вполне объясняют пессимизм Тургенева. В России они были, пожалуй, самыми мрачными годами мрачного периода русской истории — царствования Николая I; да и в Западной Европе эти годы следовали за государственным переворотом Наполеона III и были годами всеобщей реакции после великих неосуществившихся надежд революции 1848 года.

Тургенев, которому в 1852 году угрожала ссылка в северные губернии, за напечатание в Москве невинного некролога Гоголю, после того, как этот некролог был запрещен петербургской цензурой, был вынужден теперь жить в своем имении, наблюдая вокруг себя рабское подчинение всех тех, кто раньше выказывал некоторые признаки недовольства. Видя вокруг себя торжество защитников крепостничества и деспотизма, он легко мог впасть в отчаяние. Но печаль, проникающая повести этого периода, не была криком отчаяния; она также не имела сатирического оттенка; это была сочувственная